

УДК 82-94

Б.М. ЭЙХЕНБАУМ: ВОРОНЕЖ – ПЕТЕРБУРГ В НАЧАЛЕ ПУТИ

САФОНОВ Сергей Александрович,

директор культурно-досугового центра «Шинник», г. Воронеж

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются начальные этапы становления личности Эйхенбаума – воронежский и начало петербургского периода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: воронежский быт, петербургская реальность, «волшебная анатомия», время исканий.

SAFONOV S.A.,

director, Cultural and Recreational center "Shinnik", Voronezh

B.M. EICHENBAUM: VORONEZH – PETERSBURG IN THE BEGINNING

ABSTRACT. The article traces the initial stages of the personality formation of Eichenbaum-scientist – Voronezh and St. Petersburg periods.

KEY WORDS: Voronezh life, St. Petersburg reality, "the magic anatomy", the time of search.

З а несколько дней до Бородинского сражения гусарский офицер Николай Ростов покупал лошадей в Воронеже, танцевал и ухаживал за дамами в доме губернатора. Через 75 лет в этом же городе появился двухлетний мальчик Борис Эйхенбаум, и именно ему будут принадлежать основополагающие исследования о творчестве Л.Н. Толстого. Но это потом. А пока мальчик растет, вместе с ним, по мере его взросления, как он потом напишет, живет и растет Воронеж. Дважды в день он видит дом бывшего губернатора – по пути в гимназию и обратно, и этот дом ему абсолютно безразличен, чего нельзя сказать о городе.

«В этом городе я очнулся от детства и начал жить жизнью провинциального гимназиста» [1, с. 35], – говорит Б.М. Эйхенбаум в автобиографической части «Моего временника».

Семейный быт в Воронеже он характеризует следующим образом: «Мы живем не по-воронежски, и фамилия у нас не воронежская, и детство мое не воронежское» [1, с. 36]. Видимо, поэтому город приобретает для Бориса Эйхенбаума несколько пугающие черты: «улица – как спина зверя», город смотрит «лунным глазом» и оглушает визгом кошек, гоняет по улице, завывает, взвизгивает, смеется. Детство мальчика проходит как бы независимо от места жительства с ощущением себя вне воронежской жизни: «Я завидую... Воронежу – веселому ребенку, играющему солнцем и лужами» [там же]. В связи с тем, что жизнь семьи проходит параллельно и как бы в некоей «резервации» («у нас не только фамилия, но и жизнь странная: ни цветов на окнах, ни кошек, ни бутылей с наливками, ни вечернего сидения у самовара, ни гостей, ни сплетен, – ничего, что полагается в Воронеже и создает уют... по вечерам – тишина»), он – «город хлебный, с мешками и купцами» – тоже предпочитает существовать отдельно: «Город не обращал на меня никакого внимания. Если ночью он меня пугал, то теперь презирает» [1, с. 37].

Жизнь семьи Эйхенбаумов в Воронеже вызывает ощущение некоей непричастности к современным нравам, надрыва, гордости, граничащих с некото-

рым презрением к устоявшемуся быту этого патриархального купеческого города («здесь устоялись люди и фамилии»). Ощущение собственной чужеродности («да, в нашей семье что-то не так, как у людей!») оборачивается чувством неудавшейся жизни. Отсюда и надменность по отношению к остальным, существование в других рамках, чуждых здешним традициям и обычаям, и признание: «Я – выродок... я не воронежский мальчик». Ощущение «чужеродности» питает стремление в другой мир, другую реальность («... я вижу во сне другие города»). Волшебный мир притаился где-то в Петербурге.

Одна из главок автобиографической части «Моего временника» называется «Побег». Это не только описание побега 12-летнего Бориса из дома в одну весеннюю ночь, но и побег из Воронежа в Петербург. Побег от лошадиного черепа («длинный, плоский, с вытянутым хоботом») к пушечному выстрелу в полдень.

Действительно, по сравнению со статичным, спокойным Воронежем, где все известно, где «самый богатый человек – купец Самофалов... выходит на улицу и посматривает, все ли в порядке в его городе» [1, с. 35], Петербург – город, «вздрагивающий в полдень». «Волшебная сказка» оказалась прозаичной былью со своими страхами и волнениями: «28 августа 1905 г. я впервые вышел из дверей Николаевского вокзала на Знаменскую площадь... Мне думалось, что Петербург – не то огорожен, не то вознесен над окружающим его пространством полей, лесов, огородов; что от вокзала к нему должна вести особая дорога, которая приводит к каким-нибудь грандиозным аркам. Это было разочарование провинциального юноши: даже у нас в Воронеже с вокзала надо проехать предварительную улицу, чтобы попасть на Большую Дворянскую. А здесь – не успел выйти из вагона и опомниться... пожалуйста: Знаменская площадь и Невский проспект...»

...Серо-желтое небо, коричневая грязь, грязные конки, черные зонтики, черные верхи извозчичьих пролеток и однообразная линия бесцветных домов –

вот и весь ландшафт. Ни холмика, ни луча солнца – и ни одного знакомого. Все заняты своими делами, а я? Зачем я приехал сюда? Как сживусь я с этим городом, с этими людьми? Я забился в угол пролетки и со страхом смотрел на движение людской толпы» [2].

Город встретил Эйхенбаума дождем, наводнением и революцией 1905 г. «Волшебная сказка» не состоялась. Новое место породило новые проблемы: провинциальный комплекс, ощущение своей собственной ничтожности перед громадой города, где каждый должен иметь «программу, убеждения, врагов, нелегальную литературу», – а вместе с проблемами возник и страх *маленького человека из провинции*. Человека, который не привык ни к пушкам, ни к наводнениям, который хочет просто жить. Но город не дает такой возможности. Эйхенбауму приходится носить пенсне, т.к. оказывается, что «воронежское зрение здесь недостаточно» [1, с. 39], и начать борьбу за существование по собственным правилам, одному в маленькой комнате на Кронверкском проспекте с «обступившим государством». От пушечных выстрелов, программ, убеждений, от обвиняемых и подсудимых Эйхенбаум ищет спасения в музыке: «Я голосую за музыку» [там же].

Петербургское государство есть враждебное нечто, с которым он не ожидал столкнуться в своей *волшебной стране*. Волшебным помощником (в русских сказках всегда есть такой персонаж) становится учитель матери Петр Францевич Лесгафт: «Волшебный старик... стоит перед нами, как архитектор природы, весь человеческий организм... Еще немного – и этот старик сам, своими жилистыми склеротическими руками, построит человека. Дайте ему только материал и не вмешивайтесь» [1, с. 40–41]. Взгляды Лесгафта и его учение необычны, они привлекательны для Эйхенбаума и других студентов. «Волшебная» анатомия, преподаваемая будущему литературоведу, возможно, во многом скажется на построении теории формального метода, разложения на составляющие, который он предпочтет традиционным взглядам на теорию литературы. Пока же эта анатомия позволяет ему бороться с тем «Петербургским государством», которое навалилось на него по приезде в город.

Эйхенбаум делает определенные успехи в освоении наук в Вольной высшей школе Лесгафта, но все чаще начинает задаваться вопросом: «Человек построен, как мост, – но для чего?». И опять он ищет спасения в придуманном фантастическом мире, с черепом в руках проходя по мосту определенный этап жизни. И опять новый город, которого Эйхенбаум не принимает и которому противится в той ипостаси, которую увидел. Он снова оказывается где-то вне, а потому необходимо что-то снова менять. «Я – не воронежский мальчик, но и петербургским студентом, имеющим научное мировоззрение, я не хочу и не могу быть. Я вступаю в дику область ветра и гармонии» [1, с. 42], – пишет Эйхенбаум.

Снова смена места проживания. Теперь это седьмой этаж на Фонтанке. Снова одиночество и непонимание. Эйхенбаум остается один на один с собой, отрицая анатомию, с головой уйдя в решение своего главного вопроса «для чего?» и продолжая бороться с государством с помощью музыки. «Я, – пишет Эйхенбаум о том времени, – странник, занесенный ветром предреволюционной эпохи, эпохи

русского символизма, из южных степен в петербургские мансарды» [1, с. 44]. Именно в этих мансардах и происходит «дозревание» детства до юности. Пришла пора давать ответы на мучающие вопросы, а для этого необходимо выйти «в люди» и обрести наконец то, что называется «мой университет».

Петербург – город мостов. И здесь человек построен, как мост, и жизнь человеческая – это переход с одного моста на другой. Эйхенбаум покидает мост своей волшебной страны и идет по мосту через Неву на Васильевский остров, возвращаясь в «Петербургское государство» и уже окончательно принимая его.

В 1908 г. Эйхенбаум поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета – славяно-русское и романо-германское отделение. Противоборство двух направлений вынудило к выбору: «Славяно-русская культура не пришлась мне по душе. Даже “Слово о полку Игореве” меня тогда не взволновало – это была все та же воронежская “гимназическая” литература, а я уже забывал о Воронеже и не хотел к нему возвращаться» [1, с. 50]. Санкт-Петербург для Эйхенбаума – это прежде всего европейский город, и чтобы ассимилироваться здесь, найти свой путь, необходимо отринуть то, что связывало его с провинциальным детством и принять европейскую юность («... итак, я пустился в путешествие по всей Европе»). Ученый говорит, что, видимо, здесь сыграло роль также «особое химическое соединение» еврейской крови с русской²⁸.

Эйхенбаум «постигает Европу», но постижение Петербурга ему дается с трудом. Комплекс провинциального мальчика, приехавшего в столицу, все еще не изжит, да и душа будущего ученого сопротивляется петербургской реальности. Город отталкивает своей незаконченностью, некоей недоформленностью, ощущением какой-то незавершенности. «Петербургское государство осталось без отделки и без кровли», – пишет он в «Моем временнике» в воспоминаниях, а потом и в стихах:

Под солнцем – неподвижный камень,

Дома – над мертвою рекою...

Какими гневными руками

Тебя строитель строил твой! [1, с. 57].

Эйхенбаум боится уступить давлению города, потерять свою самобытность, которую он сохранил, как он сам в этом признается, только благодаря своему «воронежскому детству». Эйхенбаум ищет себя и нечто свое в этой европейско-петербургской жизни. С одной стороны, он тянется к Европе, особенно увлечен немецким романтизмом, но с другой – он «не хотел и не умел стилизоваться». Для него необходимо было найти нечто третье, не столь радикальное по духу, что не противоречило бы его стремлению на запад, но в то же время и не отрицало российских корней. Он не хочет уподобиться «чертежу, схеме или даже контуру», который, по его выражению, представляет собой город Петра [3, с. 150], ему не нужна:

²⁸ Данную мысль в подробном и полном ее осмыслении можно найти в работе американского исследователя, автора книги о Б.М. Эйхенбауме Дж. Кертиса. Он уделяет большое внимание еврейскому вопросу в отношении литературоведа. Хотя у самого Эйхенбаума, кроме этого ничего не значащего высказывания, упоминаний об этом нет. См.: Кертис, Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Дж. Кертис. – СПб, 2004. – 352 с.

Мистерия домов и храмов,
Неумолкающих страстей,
Из рая изгнанных Адамов
И тихо плачущих детей [1, с. 57].

Позже, сравнивая Москву и Петербург, он пишет о самом главном, о том, чего же конкретно не хватает этому городу и что он так боялся потерять, поддавшись его влиянию: «...У Петрограда... нет души – она исторически не понадобилась ему. Петроград пленителен именно своим бездушием – город ума, умысла, так легко поэтому принимающий вид каменного призрака» [3, с. 150]. Петроград, по Эйхенбауму, подобен задумавшемуся человеку, чьи мысли направлены только в одну точку, причем без каких-либо радужных перспектив, а уходящую за колышущуюся дымку тумана. В этом городе есть опасность превратиться в некое человеческое подобие, призрак, устрашающий своим величием:

По земле – это тень моя бродит,
Я давно окаменел;
В неизвестном и диком роде
Остался мой царский удел [1, с. 57].

В 1912 г. Эйхенбаум заканчивает славяно-русское отделение, сдает государственные экзамены и в 1913 г. преподает русскую литературу в средней школе. Опыт педагогической деятельности он получил еще в гимназии, где репетировал «безнадежного» мальчика Сашу. В своих письмах брату Всеволоду Эйхенбаум пишет: «И вот неисправимый Са-

ша, которого били плетью за каждую двойку, которого уже решили взять из гимназии... начинает учиться, начи • К научной биографии Б.М. Эйхенбаума нает интересоваться...» [4].

В 1917 г. Эйхенбаум выдержал магистерские экзамены в университет, в 1918 г. был выбран приват-доцентом, затем преподавал на Высших женских курсах Раева, во Втором педагогическом институте, Институте живого слова, в университете, в Институте истории искусств, но это потом. «Я под 30 лет чувствовал себя еще юношей», – пишет он в «Моем временнике». «Путешествие по Европе и прогулки по Петербургскому университету кончились. Я покинул его крытый проспект и вышел на открытый, не защищенный от дождя, холода и ветра проспект жизни...» [1, с. 52]. Время исканий прошло, и теперь начинался большой путь литературоведа, ученого, одного из основоположников ОПОЯЗа и творца науки о формах литературного искусства.

«Настало время тратить силы», – пишет он, заключая автобиографические главы «Моего временника». И силы свои он тратит в том самом городе, где не поддался искушению плыть по течению, не был раздавлен его громадой и запуган «Медным всадником», в городе, который повлиял на его мировоззрение и понимание искусства, в городе, где «родилась российская словесность, превратившаяся потом в русскую литературу». В Петербурге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эйхенбаум Б.М. Мой временник / Б.М. Эйхенбаум. – СПб, 2001. – С. 35.
2. Страницы дневника: Материалы к биографии Б.М. Эйхенбаума / предисл., публик. и примеч. А.С. Крюкова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 1997. – Вып. 8. – С. 234-235.
3. Эйхенбаум Б.М. Душа Москвы / Б.М. Эйхенбаум // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 1994. – Вып. 3. – С. 150.
4. Эйхенбаум Б.М. Письма к брату Всеволоду / Б.М. Эйхенбаум; предисл., публ. и прим. А.Н. Акиншина, О.Г. Ласунского // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 1997. – Вып. 8. – С. 203.